УГОЛОВНОЕ ПРАВО — ЖИВОЕ ПРАВО (РЕЦЕНЗИЯ НА МОНОГРАФИЮ «НОВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВАХ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ» (ОТВ. РЕД. Н. А. ГОЛОВАНОВА, С. П. КУБАНЦЕВ. М., 2019. 424 с.))

ГОЛИК Юрий Владимирович, профессор Московской академии Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук

CRIMINAL LAW IS LIVING LAW (REVIEW OF THE MONOGRAPH “NEW DIRECTIONS OF THE DEVELOPMENT OF CRIMINAL LEGISLATION IN FOREIGN COUNTRIES: COMPARATIVE LAW RESEARCH”. ED. BY N. A. GOLOVANOVA, S. P. KUBANTSEV. MOSCOW, 2019. 424 p.)

Yu. V. GOLIK, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, Moscow 125080, Russian Federation

Уголовное право в последние годы стремительно развивается. В какой-то мере это закономерно, ибо так же стремительно развивается мир. Глобализация уходит в прошлое, и ей на смену идет нечто новое, возможно, интеграция. При этом уголовное право следует за процессами, иногда даже опережая их. Это очень интересно наблюдать, но следовало бы еще и понять, к чему это опережение приведет.

Разумеется, не все страны одинаково реагируют на те вызовы, которые перед ними стоят. Каждая страна видит по-своему эти угрозы, кроме того, они еще и проявляются в различных регионах по-разному. В связи с этим разное реагирование неизбежно.

Недавно на прилавках книжных магазинов появилась весьма интересная и актуальная монография — «Новые направления развития уголовного законодательства в зарубежных государствах». Актуальность объясняется как внешними факторами — мир переформируется, так и внутренними — наше национальное законодательство активно изменяется (далеко не всегда в лучшую сторону, но это уже другой вопрос).

Авторский коллектив монографии достаточно большой — 13 человек¹, и это очень хорошо. Профессионально рассмотреть большинство крупных проблем в современный период можно только коллективными усилиями, поэтому любые ограничения на количественный состав коллектива (именно коллектива!) исследователей вредны и нелепы, а

они, увы, существуют. При этом каждый член коллектива в данном случае имел свою «зону обстрела», в которой он очень хорошо, судя по тексту, ориентировался.

Авторы предприняли попытку отследить изменения уголовного законодательства ряда государств, опираясь на их принадлежность к той или иной правовой семье, описать государства из семьи общего и континентального права. Принадлежность к иным правовым семьям, однако, выпала из их поля зрения. В какой-то мере это объяснимо — нельзя объять необъятное. Но и то, что попало в сферу описания, — интересно.

Специальное внимание было уделено одной из злободневных проблем современности — чрезмерному расширению уголовно-правового влияния во всех (или почти во всех) государствах. Авторы даже приводят пример терминов, используемых в разных странах для описания этого явления: экспансионизм (expansionism), пролиферация (proliferation)² и сверхкриминализация (overcriminalization) (с. 75). В анализируемой работе используется термин «экспансионизм», и это разумно. Дело в том, что уголовное право захватывает (экспансия — одна из форм захвата) все новые и новые территории, и далеко не всегда это

¹ В. Ю. Артемов, И. С. Власов, Н. А. Голованова, С. П. Кубанцев, Ф. А. Лешенков, Д. А. Печегин, А. Н. Пилипенко, О. И. Сакаева, О. М. Сакович, О. И. Семькина, А. А. Трефилов, Н. Ю. Трещетенкова, А. В. Федоров.

² Вообще это медицинский термин, означающий процесс деления клеток, в результате которого ткани организма разрастаются. Введение этого термина в научный оборот в гуманитарной сфере свидетельствует о желании автора или авторов выделиться. Это давно известное явление для западной теории, поэтому хорошо, что наша группа авторов сумела это отследить, но вряд ли следует кому бы то ни было идти по этому пути.

оправданно. К сожалению, далеко не все могут уразуметь простой тезис: уголовное право и наказание не в состоянии решить все проблемы общества и государства. В качестве примера приведу один случай. В далеком 1981 г. в Томск приехал известный ученый П. С. Дагель в качестве оппонента по моей кандидатской диссертации и рассказал, что во Владивостоке его попросили поучаствовать в разработке одного местного нормативного акта. Нужно было, в частности, описать правила перевозки животных на общественном транспорте. Он записал в проекте следующее: «Разрешается провозить собак в общественном транспорте в наморднике и на поводке», что вызвало негодование среди чиновников: «Этому не бывать!». Дагель все внимательно выслушал и записал по-другому: «Запрещается перевозить собак без намордника и поводка». Такая формулировка прошла «без сучка, без задоринки». Никто даже не обратил на нее внимания. А смысл был один и тот же. Этот пример показывает, насколько глубоко в человеке — вне зависимости от гражданства и национальности — сидит запретительный, наказательный синдром.

Этот вывод подтверждается приведенными данными. За короткий период времени количество федеральных преступлений в США увеличилось до 4450 (с. 75), и этот рост продолжается. А как реагируют законодатели на нечто «необычное»? — Самым понятным для них способом: введением уголовной ответственности. Так, в Великобритании после захлестнувшей Европу волны мигрантов количество новых преступлений за нарушение миграционного законодательства мгновенно увеличилось почти до 100 (с. 80).

При введении в уголовное законодательство новых преступлений в нем практически в неприкосновенности остаются все те, что были там раньше. Например, при введении в УК Швейцарии нескольких десятков новых составов, включая такие «экзотические», как серьезные нарушения Женевских конвенций и охота за голосами избирателей, из УК была изъята ответственность только за два состава: неуведомление о прерывании беременности и манипуляция с курсом цен (с. 112—113). Репрессивный курс законодателя очевиден.

При этом усиливается речевое обеспечение провозглашенного курса на гуманизацию уголовного законодательства. Принимаются законы, которые должны это подтвердить. В Кыргызстане, например, с 1 февраля 2017 г. вступил в силу Кодекс о проступках (с. 122). Проблеме уголовного проступка, кстати, в рецензируемой монографии уделяется достаточно много внимания (с. 308—338). Всем отечественным сторонникам и противникам введения у нас такого института будет полезно ознакомиться с этим опытом.

Последние годы в теории уголовного права все чаще звучит термин «интернационализация». Разные авторы неоднозначно понимают этот термин. На мой взгляд, речь в нынешних условиях следует вести о

выработке неких международных стандартов в сфере борьбы с преступностью и об их отражении в национальном законодательстве. Судя по всему, из этого исходят и авторы монографии. Глава 2 работы так и называется: «Международные стандарты и их отражение в национальном законодательстве» (с. 129—307). Это очень объемная часть работы; помимо общетеоретических вопросов и упоминания ряда международных стандартов (их достаточно много на сегодняшний день), в главе рассматриваются очень специфические вопросы: эксплуатация детей с точки зрения особой формы современного рабства; современные направления борьбы с коррупцией, захлестнувшей мир; киберпреступность как едва ли не самая большая угроза современному миропорядку (прежде всего его техническому и технологическому укладу, включая финансово-банковскую систему). Особое внимание уделяется динамике института уголовной ответственности юридических лиц. Несмотря на сопротивление противников этого института, он упорно продвигается по планете. В России тоже наступит момент, когда все согласится с необходимостью законодательного закрепления этого института в Уголовном кодексе. Я раньше тоже противился такому решению, но чем больше изучаю литературу по этому вопросу и иностранное законодательство, тем все больше убеждаюсь, что был неправ.

Третья глава работы посвящена интенсивному поиску зарубежным законодателем альтернативных лишению свободы мер и способов воздействия на правонарушителей. Это действительно актуально, ибо количество заключенных, несмотря на принимаемые меры, в мире растет, что подчеркивалось на последних конгрессах ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию. Следует отметить, что в нашей стране это количество существенно сократилось во многом благодаря административным усилиям.

Наибольший интерес для нас представляет третий параграф, посвященный медиации в уголовном праве. Дело в том, что уже более 20 лет у нас идет вялотекущий процесс использования этого термина в отдельных работах по уголовному праву. Во время разработки проекта ныне действующего Уголовного кодекса были робкие попытки упоминания медиации в процессе работы, но разработчики проекта интереса к этому институту не проявили, так называемые демократы, имевшие отношение к проекту, судя по всему, просто не знали, что это такое.

Что такое медиация? В буквальном переводе с английского mediation — это посредничество, а медиатор — посредник, тот, кто стоит посередине. В общем виде медиация сегодня — это альтернативная технология урегулирования конфликта. При этом инициатива такого урегулирования исходит от конфликтующих сторон — одной или обеих. На эту процедуру должны быть согласны обе стороны, иначе никакого урегулирования не получится. Медиатор —

посредник — лицо, которое совершенно не заинтересовано в полученном результате с точки зрения удовлетворения интересов одной из сторон. Это лицо беспристрастное и нейтральное.

Медиация — это процесс договоренностей. Не случайно в Англии и некоторых других странах используется не термин «медиация», а другое, более сложное понятие — *alternative dispute resolution (ADR)*. Представляет интерес термин “dispute” — «обсуждение», используемый в этом понятии.

Одна из первых диссертаций по этой проблеме была защищена еще в 2004 г. в Санкт-Петербурге Н. С. Шитихиной³. Автор попыталась разобраться в проблеме. Правда, она однозначно отнесла медиацию к поощрительным нормам. Это верно, но только отчасти.

В нашем уголовном законе медиация как институт и даже как термин не используется. При этом она используется с разной степенью интенсивности в ряде зарубежных стран, о чем в монографии достаточно подробно написано. Оценка медиации среди отечественных специалистов неоднозначна — от восторженной до пренебрежительной. Ничего удивительного в этом нет: нельзя определить достоинство пирога, пока его не попробуешь. Было бы целесообразно провести всестороннее изучение этого института и существующей в мире практики его применения.

Во многих странах медиация регламентируется специальными законами. У нас такой закон был принят еще в 2010 г., но о нем как-то забыли. Наши соседи в Казахстане такой закон приняли в 2011 г. Они им пользуются и продолжают изучать⁴.

³ См.: Шитихина Н. С. Институт медиации в российском уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004.

⁴ См.: Мицкая Е. В. Досудебная медиация по уголовным делам: состояние и перспективы развития // Вестник Института законодательства и правовой информации Республики Казахстан. 2019. № 4 (58). С. 71—80.

Чего мы можем в принципе ожидать от медиации в случае ее введения?

Во-первых, упрощения всего процесса; во-вторых, на этой основе удешевления всей системы уголовного правосудия; в-третьих, снижения социальной напряженности в обществе; в-четвертых, роста доверия к государству, которое не бросает, в частности, потерпевших, а позволяет им принимать определенные решения и таким образом влиять на ситуацию в целом; в-пятых, возможности немного разгрузить места лишения свободы; в-шестых, придания части осужденных уверенности в своих силах вести честный образ жизни.

Это только основные моменты, есть еще масса косвенных.

Самая большая проблема на сегодняшний день — отсутствие квалифицированных медиаторов. И подготовить их мгновенно невозможно. Более того, у нас почти нет тех, кто сможет подготовить будущих медиаторов. То есть следует заново создать механизм подготовки таких специалистов: от определения соответствующих учебных заведений до количества подготавливаемых, от составления программ подготовки до определения набора учебных дисциплин и т. д. Хотя предложений по подготовке медиаторов в Интернете много, но это совсем другой профиль. Однако в любом случае двигаться в этом направлении следует начинать. Международный опыт, изложенный в монографии, показывает правильность этого направления.

В главе 3 авторы снова возвращаются к проблеме уголовной ответственности юридических лиц, точнее — к особенностям правового регулирования освобождения юридических лиц от уголовной ответственности. Мы почти готовы к введению этого непростого юридического института в наш арсенал.

Конечно, писать о книге можно еще много, но лучше все-таки с нею поработать. Всем, кто профессионально занимается проблемами уголовного права, она несомненно будет полезна.